

Л. В. Луховицкий · В. Ю. Жаркая, Институт славяноведения РАН · НИУ ВШЭ

«СИЛА» УБЕЖДЕНИЯ: ΡΕΙΤΗΝΑΓΚΕ В ДИАЛОГЕ О НИЗЛОЖЕНИИ ПАТРИАРХА НИКОЛАЯ IV МУЗАЛОНА

В кодексе Sinaiticus graecus 1117 (середина 14 в.) на fol. 338v–341 дошел анонимный силлогистический диалог о низложении Константинопольского патриарха Николая IV Музалона (1147–1151). Соответствующая секция рукописи (fol. 211v–372v) представляет собой собрание разрозненных документов преимущественно канонического и исторического содержания, созданное в начале 13 в. Составитель этой коллекции рассматривал диалог как памятник церковного права, на что указывает его заглавие «Акт о низложении...».

Каноническая сторона вопроса такова: около 1110 г. Кипрский архиепископ Николай Музалон оставил кафедру и бежал с острова из-за конфликта с местной гражданской администрацией. Почти 40 лет спустя он был возведен на патриарший престол, однако вскоре столкнулся с оппозицией, которая требовала его удаления, настаивая на том, что вместе с Кипрской кафедрой им было утрачено и архиерейское достоинство.

«Диалог/Акт» представляет собой спор, в котором участвуют не названный по имени «император», «Музалон» (без титула и имени) и епископы (не поименованные отдельно). В ходе диспута император посредством чисто логической аргументации, не прибегая ни к каноническим, ни к богословским аргументам, не цитируя ни Священное Писание, ни Отцов Церкви, приводит Музалона к неизбежному выводу о том, что он утратил архиерейское достоинство и не может занимать Константинопольский престол без совершения повторной архиепископской хиротонии (что в отношении одного лица недопустимо). Диалог завершает приговор, который выносят епископы: Музалон должен быть изгнан с престола и лишен церковного общения как нарушитель канонов.

Издатель «Диалога/Акта» полагал, что имеет дело не с юридическим документом в собственном смысле слова, а скорее с литературной фикцией [1: 67–68]. Однако в дальнейшем мнения исследователей разделились: по мнению одних, «Диалог/Акт» — это оригинальный протокол заседаний по делу Музалона [3: 278], по мнению других — сатирическая зарисовка [2: 178]. Была также высказана гипотеза, что «Диалог/Акт» представляет собой намеренную фальсификацию, призванную представить добровольный уход патриарха с кафедры, о котором говорит историк Иоанн Киннам [4: 83–84], как официальное низложение [5: 280–297].

Мы придерживаемся иной точки зрения: автор «Диалога/Акта» не рассчитывал подделать юридический документ и высказывался не столько о казусе Музалона как таковом, сколько о взаимоотношениях императора и церкви в целом. Центральной в рассуждениях о памятнике должна стать не церковно-каноническая проблематика, а вопрос о том, почему автор посчитал нужным представлять императора Мануила I Комнина именно как искушенного логика и почему при этом он нарушил схему построения классического платонического диалога.

«Диалог/Акт» лишен конкретики соборного акта, поскольку в нем полностью отсутствуют формальные элементы (список подписей, полный перечень участников, указание на дату и место заседания). В то же время сравнение с диалогами Евстартия Никейского (1090-е гг.) и Сотириха Пантевгена (1156 г.) показывает, что абстрактность художественного мира «Диалога/Акта» имеет мало общего с абстрактностью платонических диалогов догматического содержания. В диалогах Евстартия и Сотириха воссоздан условный мир, в котором в маркировано палатонической атмосфере герои-маски с говорящими именами обсуждают отвлеченные вопросы. Они декларируют непредвзятость и не хотят знать о политических или канонических

конфликтах, актуализировавших эти вопросы. В «Диалоге/Акте» мы, напротив, видим устрашающую абстрактность суда.

На первый взгляд, «Диалог/Акт» построен по модели сократического диалога: император постепенно при помощи отвлеченных примеров приводит своего собеседника к пониманию того, что тот не владеет базовыми категориями (неверно понимает равенство и аналогию, смешивает частное и общее) и его исходные позиции неверны. В действительности, схема сократического диалога переворачивается: сократическая (само-)ирония превращается в насмешку над собеседником, непредвзятость сменяется вынесением моральной оценки. Более опытный собеседник превращается в судью, менее опытный — в подсудимого.

Сократическая майевтика предполагает, что ведомый будет незаметно для самого себя переходить на позиции, прямо противоположные исходным, соглашаясь с каждым новым шагом ведущего, а ведущий не будет предлагать готовых решений, давая возможность ведомому самому освоить метод. В «Диалоге/Акте» Музалон в одном случае отказывается признать логичность очередного перехода, а в конце заявляет, что не считает себя побежденным, тем самым сводя на нет весь предшествующий спор и вынуждая епископов применить силу.

«Диалог/Акт» завершается спором о *πειθανάγκη* (убеждении через принуждение). По мнению императора, «убеждение» — это по определению «удушение и принуждение», она заставляет подчиняться того, кто «стеснен истиной» «даже против воли». В глазах Музалона, напротив, император осуществляет нелегитимное насилие (*τυραννία*). Симпатии автора оказываются на стороне Мануила: анонимный император становится в его глазах смой одушевленной логикой — олицетворением истины, а хор безликих епископов — ее вершителем, доводящим до логического завершения в церковно-каноническом измерении то, что на сущностном уровне уже сделано императором.

Литература

- [1] Darrouzès J. *Documents inédits d'ecclésiologie byzantine*. Paris: Institut français d'études byzantines, 1966.
- [2] Karlin-Hayter P. The Tax-Collectors Violence Drove the Archbishop into the Cloister? *Byzantinoslavica* 56, 1995, pp. 171–182.
- [3] Magdalino P. *The Empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- [4] Meineke A. *Ioannis Cinnami Epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum*. Bonn: Impensis Ed. Weberi, 1836.
- [5] Zeses Th. N. 'Ο πατριάρχης Νικόλαος Δ' Μουζάλων. *Epistemonike Epeterida tes Theologikes Scholes Thessalonikes* 23, 1978, pp. 233–330.